

FEMI FADUGBA

**THE
UPPER
WORLD**

ФЕМИ ФАДУГБА

ВЕРХНИЙ МИР

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Ф15

Femi Fadugba

THE UPPER WORLD

Copyright © Femi Fadugba 2021

First published as UPPER WORLD in English by Puffin,
an imprint of Penguin Children's Books.

Penguin Children's Books is part
of the Penguin Random House group of companies.

Перевод с английского *А. Осипова*
Художественное оформление *А. Андреева*

Фадугба, Феми.

Ф15 Верхний мир / Феми Фадугба ; [перевод с английского
А. Осипова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-195744-5

Тогда.

У шестнадцатилетнего Эссо настоящий талант попадать в неприятности. Из-за несчастного случая он каким-то образом переместился в другой мир. Загадочное место за пределами пространства и времени, где он может видеть картины прошлого и будущего.

Но если эти видения правдивы, то жить Эссо осталось совсем недолго. Теперь ему придется использовать новые способности, чтобы изменить свою судьбу.

Сейчас.

Прошлое Рии окутано тайной. Она выросла без родителей, а ее увлечение футболом – единственный шанс на лучшую жизнь.

В школе у нее неожиданно появляется наставник, профессор Эссо. Никто не знает, кто он и откуда взялся. На самом деле он пришел, чтобы изменить ход истории и остановить трагедию, случившуюся пятнадцать лет назад. И без помощи Рии ему никак не обойтись.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-195744-5

© Осипов А., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РАССТОЯНИЕ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ БЛЕЙЗА АДЕНОНА: ПИСЬМО ПЕРВОЕ

К Эссо

Когда-то давным-давно в одной пещере жили узники.

Всю свою жизнь они стояли на коленях в холодной грязи, а перед глазами у них был только камень. Цепи обвивали им шею так туго, что они даже головы повернуть не могли — посмотреть, откуда идет свет... теплый, янтарный.

Каждый божий день они смотрели, как тени трепещут и пляшут на каменной стене, озаренной тем тайным светом из-за спины. Они рассматривали тени, давали им имена, молились им.

И вот как-то утром один из арестантов вдруг вырвался на свободу. Он обернулся к свету, ярко сиявшему в дальнем конце пещеры, и изумленно вперил в него взор, охваченный жадной — жадной понять, откуда свет исходит и куда ведет.

Друзья — те, что в оковах, — зывали к нему:

— Стой, дурень! Ты не знаешь, что делаешь! Если уйдешь слишком далеко, тебя ждет гибель!

Но он их не слушал.

Когда бывший узник выбрался из пещеры, он не узнал ничего — ни деревьев, ни озер, ни зверей, ни даже солнца. Там,

снаружи, оказалось столько силы, что это было даже как-то неправильно. Но время шло, и он привык к своему новому миру и осознал наконец, что вся его прошлая жизнь, все, что он знал в пещере, было просто тенью — тенью этого нового большого места.

И он дал этому месту имя.

Он назвал его Верхним миром.

Человек бегом кинулся обратно, в пещеру, желая как можно скорей поделиться с остальными такой изумительной новостью. Но когда он рассказал им, что видел в Верхнем мире, его подняли на смех и обозвали безумцем. А когда предложил разбить их цепи и выпустить на свободу — его пригрозили убить.

Реальный человек по имени Сократ поведал эту историю 2300 лет тому назад в Афинах. Большинство слушателей решили, что это просто сказка, искусная метафора — и она о том, каким одиноким себя чувствуешь, пускаясь на поиски неведомого. Никому сейчас невдомек, дитя мое, что Сократ действительно верил в Верхний мир. А еще — что, когда он рассказал людям об увиденном там, его убили.

ГЛАВА 1

ЗССО. СЕЙЧАС

Чтобы не принадлежать ни к одной банде и при этом влипнуть прямо посередине разборок между ними, нужно реально крутое сочетание идиотизма и невезучести. У меня на это ушло меньше недели — вот так-то! И случилось это еще до путешествия во времени.

Я встал на колени и пристроил локти на угол матраса, там, где простыня не задралась. Я устал, я один у себя в комнате, и мне позарез нужна поддержка оттуда — типа как свыше. Но вот досада: я никак не мог выбрать между Иисусом, его мамой, Тором, пророком Мухаммедом (и тем большим дядькой, на которого он работает), лысым азиатским чуваком в оранжевой хламиде... ах да, еще Иисусовым папой, императором Хайле Селассие, дедушкиной статуэткой вуду, Морганом Фрименом и той металлической чушкой на Луне из старого-престарого фильма «2001». Короче, чтобы подстраховаться, я решил молиться всей честной компании сразу.

— Дорогие святые Мстители, — забурчал я в переплетенные пальцы, — первым делом простите, что я был говнюком в понедельник. И что наврал маме про случившееся.

ПОНЕДЕЛЬНИК (ЧЕТЫРЕ ДНЯ НАЗАД)

Пока понедельник еще не слетел с катушек, я даже что-то там такое успел выучить в классе. (Ведь так, по идее, и должна работать школа *все время?*)

Средняя школа Пенни-Хилл торчит ровно на границе между Пекхэмом и Брикстоном. В сороковые, когда ее строили, это не составляло проблемы — зато еще как составило сейчас, когда на сцене появилась братва. Нынче ребята из двух соперничающих группировок толкутся по семь часов в день в компании друг друга, а остальным, кто к их теркам отношения не имеет, приходится на этом фоне еще чему-то учиться.

В классе у нас стоит четыре ряда по восемь парт. Потолок нависает на фут ниже, чем надо, так что, сидя в середине, как я, чувствуешь себя куренком в клеточной батарее. Мисс Пёрди вела у нас физкультуру и по совместительству математику. Вообще-то учить она умела — в том смысле, что реально знала, о чем толкует, и предмет свой любила. Потому в ее классе и было меньше всего драк и самые высокие оценки. Даже мои контрольные работы, бывало, возвращались с «четверками». Математика мне всегда нравилась — ну, до некоторой степени. Самая наивная часть меня как-то забрала себе в голову, что в один прекрасный день у меня непременно будет вагон денег — и математика поможет мне его заполучить.

На самом деле я просто всегда уважал тот факт, что дважды два — четыре, и неипёт. День-деньской мне приходилось скакать туда-сюда между голосом африканским, домашним, голосом типа «полугопник», голосом «читаем вслух на английской литературе» и еще специальным телефонным голосом, необходимым в тех случаях, когда надо прислать кого-нибудь починить роутер. И я ужасно пёрся с того, что на математике всего этого не нужно. Училка могла сколько угод-

но думать, что я бестолочь, но на дважды два это все равно никак не влияло — как ни крути, а выходило четыре.

А вот чего я никак не мог знать заранее, торча в классе тем понедельничным утром, так это что треугольники, которые мисс Пёрди чертила на доске, в конечном счете открывают мне глаза на целых четыре измерения. Да что там — если бы меня кто попробовал предупредить, что к концу недели я буду шнырять по ним туда-сюда, как какой-нибудь супергерой-телепат, я бы сказал ему, мол, ты, чувак, явно на крэке... ну и показал бы потом одну заброшку — квартиру в Льюишеме, где можно встретить единомышленников.

— Сегодня будем проходить теорему Пифагора, — сообщила Пёрди и обвела уравнение, которое только что написала. — А понадобится она нам, чтобы вычислить самую длинную сторону треугольника.

$$a^2 + b^2 = c^2$$

Тут она скрестила руки на груди и с внушительным видом стала ждать, пока класс заткнется.

— Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш! — зашипела Надья, выворачивая шею и зыряка на двух девчонок, которые без умолку трещали у нее за спиной.

Надья в учительских любимчиках не ходила и вообще далеко не всегда так радела за занятия, но над нами уже висели пробные выпускные, и она совершенно не собиралась давать вот таким вот, кому на все наплевать, тащить класс назад.

Я тем временем сидел и таращился куда-то вдаль — и не просто так, а надувши губы и специальным таким серьезным взглядом, который целое утро тренировал перед зеркалом.

Надьины глаза по пути обратно к доске неизбежно должны были скользнуть и по мне — я намеревался произвести самое выгодное впечатление. Нет, честно — это ж с ума сойти, как часто я на самом деле откалывал подобные штуки ради нее! Да я от шестидесяти до семидесяти процентов каждого урока тратил на то, что а) со зловещим видом буравил ей взглядом затылок; б) посматривал искоса и многозначительно, боковым зрением; в) мрачно дулся, надеясь, что она сама обратит на меня внимание... — чего все равно засечь никогда не удавалось, поскольку я, как и было сказано, все время таранился вдаль, как заправская модель на рекламе лосьона после бритья.

Пёрди тем временем вооружилась двумя разноцветными маркерами и снова повернулась к доске.

— Чтобы было понятнее, возьмем практический пример. Вот идете вы, скажем, через Берджесс-парк. Вошли вот тут, внизу, через южные ворота, а надо вам вот сюда, на самый верх, к Олд-Кент-роуд. Есть два варианта маршрута: первый — сначала вдоль боковой стороны, потом вдоль верхней. Это, как сказали бы вы, крутые парни, «длинный прошвыр».

Она честно подождала, пока кто-нибудь засмеется. Ну, хоть кто-нибудь... После долгого холодного душа из тишины она таки решила продолжить.

— Ну что ж, понедельник — день тяжелый. Ладно. Короче, длинный маршрут — это все время идти по дорожке, сначала вдоль бока, потом вдоль верха. Но есть и другой вариант — короткий путь, вот так, наискосок, прямо по газону.

Когда она соизволила отойти от доски, на коротких сторонах треугольника обнаружились цифры, а на длинной — знак вопроса. Поняв, что сейчас из класса будет выхвачена жертва для полного досмотра с раздеванием, мы испустили хоровой вздох.

— Начнем с самой короткой стороны треугольника. Кто мне скажет, что получится, если я возьму число три и возведу во вторую степень?

Надьина рука стрельнула вверх — единственная иголка в этом стоге сена. Пёрди ее проигнорировала — надо же и остальным иногда шанс давать, в конце-то концов! — и обратилась к тому, кто уделял происходящему куда меньше внимания.

— Роб, сколько будет три в квадрате?

Судя по взгляду Роба, устремленному прямо сквозь нее, мисс Пёрди была сделана из стекла.

«Пожалуйста, пусть он сообразит, что три на три будет девять!» — сказал я себе. Роб и Като были мои лучшие друзья. Да, я знал, что в математике он в целом не сечет. Если честно, он и в школе вообще не очень сёк. Зато спроси его, в чем разница между английским дриллом, нью-йоркским и чикагским, и он тебе мигом превратится в Эйнштейна. Или перекажи любой сюжет из вечерних новостей и — гляди-ка! — он уже на раз-два связал его с иллюминатами и их зловещим заговором извести всех черных, коричневых и восточноевропейцев одним махом. Он, кстати, сам был поляк. Но это еще ничего о нем не говорило.

Като, сидя сбоку от Роба, зашептал ему:

— Афганистан! Ответ — Афганистан, зуб даю!

— Афганистан, — повторил Роб, обратив к Пёрди самый свой горделивый лик.

Она моргнула, потом еще раза два или три. «Афганистан» напрочь отшиб у нее дар речи, но в конце концов закрыла рот и отвернулась — а что еще тут сделаешь?

Като, совершенно в кусках, рукавом вытирал слезы восторга — все в жизни вызывало у этого парня гомерическое веселье. Возможно, потому, что все в жизни давалось ему с исключительной легкостью. Роб прожигал его взглядом

и цыкал зубом, пока слюни не потекли. Я частенько думал, что доведись мне, не дай бог, пропустить где-то с неделю уроков, и от нашей хрупкой дружбы камня на камне не останется, но спроси хоть кого в Пенни-Хилл, и тебе скажут, что это счастливое трио, Като, Эссо и Роб, — ну просто не разлей вода. Даже когда хулиганил кто-то один, забирали все равно всех троих. Словно у меня в паспорте были отпечатаны все три имени.

— Эссо? — Пёрди обратила на меня лишенный всякой надежды взор.

— Ну, просто берем число и умножаем на него же, так?

Я в общем-то не хотел, чтобы из ответа вышел вопрос, но в конце фразы как-то сам собой дал петуха. Она наклонила голову — ну, а дальше?

— Ну, и трижды три получается девять.

Но нет, она все же заставила меня пройти последовательно все этапы и отпустила, только когда чертовое уравнение получило всю заботу и ласку, каких заслуживало.

— Ну и, значит, с, которое длинная сторона, равно пяти, — наконец заключил я.

Окончательный ответ я вычислил в уме за несколько секунд до того, и пока она записывала всю последовательность на доске, я прикидывал, стоит ли задавать естественно вытекавший отсюда вопрос. Мисс Пёрди сама сказала еще в начале урока, что Пифагор изобрел эту свою знаменитую теорему две с половиной тысячи лет назад. Две с половиной тысячи! Это ж еще до того, как бумагу придумали! Но как?

Проблема в том, что, как бы там взрослые ни говорили, идиотские вопросы существуют. Вообще-то большинство вопросов, которые я задавал, именно такой взгляд в ответ и получали — что, мол, за идиотский вопрос! То в школе тебя учитель осадит за то, что поднял тему, которой нет

в учебном плане... То дома — мама, если вякнуть что-нибудь про отца. Стоит только начать предложение с «почему» или «как», и на тебе! — обязательно кто-нибудь испугался или рассердился.

Но стоило только вопросу как-то оформиться у меня в голове, и свято место уже никак не желало оставаться пустым. Хорошо еще мисс Пёрди продолжала мне улыбаться, да и вообще была рада, когда руку тянул кто-то не с первой парты. Да в жопу, подумал я и даже кашлянул, готовясь в бой. Что худшего может со мной случиться?

— А откуда вообще Пифагор взял это свое уравнение? — постарался спросить я как можно небрежнее, хотя на месте отсутствующего пока ответа уже разверзся кратер, увеличивавшийся в размерах буквально с каждой секундой.

Тут по моему уху что-то чиркнуло. Быстро, хрустко, но легонько. Это что... бумажка?

— Ботааааан! — провыл Като, пальцами изображая круги вокруг глаз на манер очков.

Роб тоже покатился со смеху, а с ним и вся задняя половина класса. Все, пора заводить новых друзей, решил для себя я. Но тут ко мне повернулась Надья, и на физиономии у нее мешались в равной мере удивление и «ну, ты меня впечатлил». Этого оказалось достаточно, чтобы всякая неловкость исчезла без следа. Я едва успел надеть обратно мою фирменную ар-н-би рожу.

Следующие пять минут мисс Пёрди объясняла нам, как Пифагору удалось превратить свой задвиг на треугольниках в математический закон, которому вся вселенная теперь будет повиноваться до скончания своих дней.

В тот миг, когда она кончила свои разглагольствования, у меня в голове словно ржавый замок отомкнулся¹. И — все-

¹ Больше информации об этом — на с. 339